

Инна Руди

И было утро, и был вечер...

...И был Еврейский камерный театр «Гэвел Гэволим» («Суета сует»). И дни его полны были волнением и поиском, вельем и раздумьями, и время его было насыщено жаром репетиций и нервом спектаклей, суетой гастролей и праздником фестивалей. И длились блаженные часы его почти восемнадцать лет, начиная от даты столетия Бабеля (1994). И знали Еврейский театр в Одессе, и ходили на спектакли его, и ждали, и ценили, и любили, и аплодировали. И это было хорошо.

Мелодика притчи созвучна еврейскому театру, и так же, как в спектакле «Вечный шах»

Авраам Липман говорил: «Я родил сына Исаака», – Валерий Бассэль мог бы сказать: «Я родил Еврейский театр «Гэвел Гэволим».

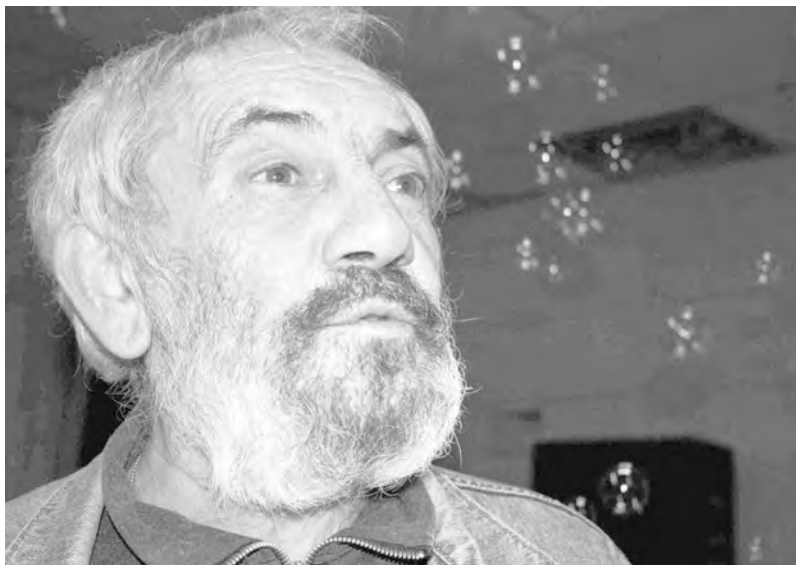
И это было дитя любви, боли и неутоленного таланта. Все сошлось на перекрестке эпох: и возрождение еврейской общины в Одессе, и спектакль «Суета сует», поставленный Бассэлем к столетию Бабеля и давший название театру, и учреждение в здании бывшей синагоги резчиков мяса на Малой Арнаутской, 46А,

Общества еврейской культуры. Это усталое изможденное трудной судьбой здание еще только предстояло насытить культурой и преобразить в пространство театра его тусклый удлинненный, да еще разделенный вдоль себя колоннами зал с крошечными подмостками...

Но застывшее в пыльных витражах время качнулось и пошло, и на зов Бассэля откликнулись сподвижники и театралы – и закружилось, загустело таинство рождения спектакля... Художник Григорий Палатников отложил свою блистательную графику и взялся колдовать над сложной сценографией; мастер света Лина Диманис изобретала способ обойти лучами все колонны при скудном числе приборов; звукорежиссер Наталия Ревякина насыщала эту своеобразную акустику пронзительной музыкой, а неповторимый хореограф Василий Дьяконов, прищурив глаза, видел эту музыку в пластике. В своем первом спектакле по роману Ицхока Мераса «Ничья длится мгновение» сам режиссер единственный раз выступил

в качестве исполнителя – в роли Отца, и эта его роль словно наворожила «детям»-актерам кровную привязанность к театру «Гэвел Геволим».

Валерий Бассаль

Незабвенный Женя Бубер, юный Сережа Юрков, преданная Таня Макуцинская, яркая Ира Охотниченко, шустрая Настя Голенко, маститая Аурика Ахметова, загадочный Олег Фендюра, верный Евгений Романов, неизменная Инна Руди, – единожды вкусив пульс бассэлевских репетиций, уже навсегда стали неотделимы от Еврейского театра, как бы ни складывалась их дальнейшая судьба.

«Вечный шах» – первый и, быть может, самый поэтичный спектакль театра. Нет, там не было стихов – там были отголоски «Песни песней» Соломоновых и отзвуки арии Аиды из оперы Верди, там слышался перестук фигур в роковой шахматной партии и тягучее бормотание древней молитвы. Там была жизнь, яркая пронзительная жизнь на острие смерти, жизнь в безысходном обрамлении гетто, в замкнутом круге узников – в том нестерпимом круге ада, который один за другим покидали дети Авраамовы, словно белые птицы.

Городские афиши в те годы пестрели премьерами – сквозь рухнувшие былые запреты хлынула иллюзия вольности, театральная жизнь зашумела и вспенилась, как сбежавшее молоко, и одесское отделение Союза театральных деятелей не преминуло организовать Фестиваль премьер, к участию в котором был приглашен и «Вечный шах» Еврейского театра «Гэвел Геволим». И будто по третьему звонку запульсировало время – засияли театральные подъезды, зашелестела пресса отзывами и рецензиями, засуетилась публика, перебегая из театра в театр, – время собирать таланты и время дарить таланты...

Время представлять и время репетировать... О, репетиции Еврейского театра! Упоительные и подробные, зачудные и вдохновенные, неповторимые и непередаваемые, озаренные безудержной фантазией Валерия Бассэля и его бешеной энергией, замешанной на великом терпении... Кто может поведать о них?.. Разве что тот гость из земли обетованной, что посетил как-то репетицию спектакля «Пешком в Израиль». Но он не знал языка и только сказал кому-то

Евгений Бубер и Олег Фендюра

по-английски: «Я ни слова не понимал, но увидел, что он (указывая на Бассэля) великий артист»...

Спектаклю «Пешком в Израиль» досталась счастливая гастрольная судьба – правда, до Израиля он так и не дошел, но Киев, Херсон, Николаев, Геническ, Симферополь, Новая Каховка, Полтава и даже Донцдорф (ФРГ), где любимый многими одеситами художник и режиссер Герхарт Кранер организовал Международный фестиваль любительских театров, имели удовольствие видеть это представление по драматическим миниатюрам Семена Злотникова. Оно было легким на подъем не только благодаря изобретательному лаконичному оформлению художника театра Наталии Рябовой и незатейливому музыкальному сопровождению в виде песен Инны Руди в авторском исполнении, оно было легким по жанру и восприятию: грустные и веселые сценки на тему судеб некоторых наших репатриантов на Святой Земле ярко и органично исполняли Евгений Романов, Олег Фендюра, Сергей Юрков и Евгений Бубер.

Афиши театра – эти яркие оранжевые блики с эмблемой в виде шагаловского скрипача – возвещали обитателям еврейских общин разных городов и о детском спектакле «Ах, был бы я волшебник!..» по сказкам и легендам о царе Соломоне, и о традиционном представлении «Пуримшпиль», решенном в ключе комедии дель арте с великолепными масками работы художника Наталии Рябовой, и о сценах из спектакля «Аллэ!.. Тебе кто нужен?» по известной пьесе Аллы Соколовой «Люди, звери и бананы», и о лирической композиции «Час еврейской поэзии»... Малочисленность труппы не стала препятствием к этим постановкам: артисты играли

по несколько ролей – и разве для актерской души это не удовольствие?.. Как говорили Трубоч и Скрипач в сцене из спектакля «Пешком в Израиль»: «Мы музыканты, нам лишь бы играть!..».

Время играть и время преображаться... «Трудные люди», пьеса изумительного израильского драматурга чеховского ранга Йосефа бар-Йосефа, стала несомненным этапом в работе театра «Гэвел Геволим». Здесь не было отдельных сцен, как в других спектаклях, – тонкие, глубокие и противоречивые взаимоотношения четырех персонажей развивались и сталкивались в течение полных двух действий. Это требовало от актеров «долгого дыхания» и иного уровня мастерства. А главным и непредвзятым рецензентом спектакля был живой чижик в клетке над столиком у героини Рахель-Леи: он заливался пением, если сцена шла хорошо, и сердито молчал при малейшей фальши – невольно думалось, что обучал птичку сам Бассэль...

Жаль, что чижики не обитают в апельсиновых садах – таких, как в пьесе того же Йосефа бар-Йосефа «Сад». Всего через несколько лет театр вновь обратился к его удивительной драматургии. Этот спектакль созрел трудно и долго – быть может, дольше, чем зрели плоды в пьянящем саду. Но, по утверждению режиссера, лучшие репетиции случаются у уставших актеров, а лучшие спектакли даются кровью и потом. Драматическая элегия о любви, боли и ненасытной жажде творчества расцветала в обрамлении фантастического райского сада (художник Н. Рябова) и филигранно подобранной проникновенной музыки (музыкальное оформление Евгении Ермаковой). Сценическая судьба «Сада» оказалась до обидного недолгой, но на премьерах побывала «вся театральная рать», и даже захвативший в родной город руководитель Пермского театра драмы Борис Мильграм счел необходимым дать подробную высокую оценку спектаклю, режиссуре Бассэля и игре актеров.

Но все возвращается на круги своя, и вот сочный и неразгаданный язык Бабеля снова звучит на сцене театра «Гэвел Геволим» – спектакль «Шабос нахаму», «Суббота утешения»... Слышите?..

Ой, клонится к ночи день шестой,
Ой, все небо затянуло мглой...

Незримые певучие голоса из темноты предваряют забавные похождения знаменитого Гершеле Острополера, еврейского шута, пройдохи и хитреца, добывающего хлеб насущный исключительно немислимой фантазией. Такая роль – мечта актера, как и все действие на грани фантазмагории. Эта мечта привела Олега Фендюру, Настю Голенко, Инну Руди, Наталию Цымбалюк, Фауста Миндлина, Женю Ермакову и, конечно, Валерия Бассэля на Международный фестиваль еврейских театров во Львове, что увенчалось дипломами «За лучшую режиссуру» (Бассэль) и «За лучшее исполнение роли Лошади» (Руди).

А потом еще был Дрезденский фестиваль, и помогал во всем давний немецкий друг театра Хольгер Кречмайер, и были прекрасные вдумчивые зрители и поразительно великолепный Дрезден... Что же это было? Лихие шуточки неутомимого Гершеле? Или просто суета сует?.. Ну да, «Суета сует»...

И было утро, и был вечер, и был Еврейский камерный театр «Гэвел Геволим»... Время любить и время творить...